

Саша Кругосветов
Сто лет в России
Серия «Виктор Ерофеев
представляет писателя»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7073441

*Сто лет в России. / Саша Кругосветов: Продюсерский центр
Александра Грищенко; Москва; 2013
ISBN 978-5-905939-85-3*

Аннотация

Автобиографическая проза талантливого писателя, пишущего под псевдонимом Саша Кругосветов, рассчитана на самый широкий круг читателей. Автор рассказывает как о событиях, свидетелем и участником которых ему довелось быть, так и о тех, о которых известно ему по рассказам и преданиям, о людях, чьи дела и судьбы оставили след в истории последних десятилетий...

Содержание

Живой взгляд участника событий	4
Оренбург	8
Советская власть	11
НЭП и Хибиногорск	15
Северный Кавказ	20
Великая Отечественная	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Саша Кругосветов

Сто лет в России

Живой взгляд участника событий

*Посвящается моей дорогой жене Ирине,
которая вдохновляла и поддерживала меня при
написании этой книги*

Автобиографическая проза талантливого писателя, пишущего под псевдонимом Саша Кругосветов, рассчитана на самый широкий круг читателей. Автор рассказывает как о событиях, свидетелем и участником которых ему довелось быть, так и о тех, о которых ему известно по рассказам и преданиям, о людях, чьи дела и судьбы оставили след в истории последних десятилетий... В своей книге он старается проследить нелегкую судьбу нашей страны за последние сто лет – с 1913 по 2013 год. Но не по документам, не по сводкам газет, а через судьбы близких ему людей. Это не история, это живой взгляд участника событий, который жил, любил, боролся, воспринимал победы и поражения нашего народа как свои личные победы и поражения. Автор не лакирует описываемые явления. Временами его описания приобретают форму жестокой и безжалостной сатиры. Но тем не

менее каждый раз мы видим эти события через флер любви и нежности, авторского сопереживания и сочувствия как к участникам этих событий, так и к судьбе родной земли. Не случайно книга начинается строками великого Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!» и заканчивается словами автора: «Живите в России, друзья!»

Отрывки из книги автор публиковал в своем Живом журнале. Публикации вызвали живой отклик в «Интернете». Вот что написал об этих публикациях Максим Свириденков Maxim Sviridenkov <max_svir@mail.ru>:

«Несколько лет назад, ещё до блогов, я делал много интервью с ветеранами Великой Отечественной. И с тех пор особенно ценю возможность взглянуть на исторические события через судьбы простых людей с их субъективными оценками и впечатлениями. Тем более что это очень даже интересно. И как раз такими воспоминаниями в своём ЖЖ делится мой френд (и, к слову, очень хороший писатель) Александр Кругосветов (krugo_svetov). Мне кажется, многим это будет действительно интересно. Прочитую несколько фрагментов, которые больше всего зацепили меня самого.

“Сто лет назад мой отец жил на окраине Оренбурга, захолустного городка царской России. Дед Мендель, набожный еврейский портной, содержал большую семью... Отец рос как самосев в степи. Невысокий, ладный, мускулистый, упрямый... Рядом река Урал. Плавал саженками, ловил ры-

бу. Вокруг – станицы уральских казаков. Станичные мальчишки подкарауливали жиденка, учили жизни нехристя. Он отлавливал обидчиков поодиночке, давал сдачи”.

В другом посте Александр Кругосветов рассказывает уже про деда по материнской линии и приводит такой эпизод:

«Новая экономполитика. НЭП. У деда – свое “дело”. История трагическая. И одновременно комическая. Компаньон деда – разбитной молодой человек. Часто появлялся в доме... Заморочил голову старшенькой. Обещал жениться, соблазнил под шумок. Забрал кассу – да и был таков. И нет его. Слезы, разбитое сердце первенькой. Рухнувший бизнес. Позор на всю Одессу».

А вот и фрагмент из ещё одной судьбы, очень неожиданный с точки зрения сегодняшних реалий:

«Серноводск – город маленький, все знали, к кому следующему поедет ночью черный воронок. Ждали гостей и в доме главврача. Семью спасли чеченцы... Старики в бурках пришли, заняли двор санатория. «Ты, Самуил, не ходи домой. Побудь здесь пока. Мы твоей семье сообщили. Они не будут беспокоиться. А там посмотрим». Каждый мальчишка в городе знал о чеченцах в санатории. Для энкавэдэшников это был неожиданный поворот. Могли случиться непредвиденные волнения. За это в Центре по головке не погладят. И сроки поджимают. А черт с ним, с Самуилом. Пусть живет и работает на благо пролетарского государства».

Немало в воспоминаниях Кругосветова и не то чтобы

необычного, но просто почеловечески трогательного. Например:

«Кончилась война. Стали возвращаться фронтовики. На улицах цветы, песни, гармошка. От отца известий не пришло. Один веселый военный в гимнастерке на улице обратил на меня внимание, улыбнулся, помахал рукой. Я кинулся к нему с криком: “Дядя папа!” Я ведь не помнил своего отца. Пришли известия, что части Второго Украинского задержались в Праге. Там был и отец. Там продолжались военные действия, гибли люди».

И закончу цитаты, пожалуй, таким пронзительным эпизодом, который при своей краткости даёт пищу для очень многих размышлений:

«Среди детей всегда есть тот, кого все не любят. В нашем классе это был Борька Рябой... Борька не плакал, когда говорили о смерти Сталина. Все плакали, а он не плакал. Борьку надо побить. Слава богу, не случилась эта позорная немотивированная расправа. Не знаю почему, но не случилась».

Юрий Никитин

Оренбург

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Ф. И. Тютчев

Сто лет живу в России. С 1913 года. Хотя родился много позже.

Сто лет назад мой отец жил на окраине Оренбурга, захолустного городка царской России. Дед Мендель, набожный еврейский портной, содержал большую семью. От первого брака у него пятеро детей – три мальчика и две девочки. Мой отец был средним, третьим ребенком. Как раз посредине: один брат и одна сестра – старше, один брат и одна сестра – младше. После смерти моей бабки, которой я никогда не знал, дед взял в жены молодуху. Мои родители, дяди и тети звали ее тетя Муся. Тетя Муся принесла Менделю дочку. Отец рос как самосев в степи. Невысокий, ладный, мускулистый, упрямый. Ветры эпохи гнули и ломали его, а он выпрямлялся и креп. Рядом река Урал. Плавал саженками, ловил рыбу. Вокруг – станицы уральских казаков. Станичные мальчишки подкарауливали жиденка, учили жизни нехристя. Он отлавливал обидчиков поодиночке,

давал сдачи. Взрослые были более снисходительны. Многие шили форму у его отца. Хотя и жидовская семья, а люди, может, и неплохие. Смотри, говорили они, как Яшка джигитует. На полном скаку умел он сигануть с лошади и, коснувшись ногами земли, запрыгнуть на седло задом наперед.

А потом сесть прямо. Мне трудно представить себе обстановку в семье деда. Знаю, что Мендель твердо соблюдал еврейские праздники. На Пасху читал Тору, на стуле под собой прятал мацу. Дети пытались ее украсть. Такой обычай. Кому удастся – получал выкуп за мацу. Дед притворно сердился, никого к себе не подпускал, но кто-нибудь обязательно добирался до мацы. Как будто бы дед прозевал. Часто ли отец бывал дома? Насколько усвоил патриархальный быт еврейской семьи? Не знаю. Не усвоил он ни заповедей Моисея, ни еврейских праздников, ни веры в своего еврейского бога, ни языка идиш – второго языка в еврейских семьях царской России. Но почему-то немного научился у отца шить. Это я точно знаю. Был период после Великой Отечественной, когда мы жили очень скромно, и отец несколько раз шил мне, школьнику, брюки. Неплохо шил. Отпаривал брюки отменно. И меня научил. Умею до сих пор. Еще умудрился окончить начальную школу. Добивал школьное образование уже после Гражданки. И непонятно, как вынес он из семьи своего отца правильную русскую речь. Без акцента. И ни одного бранного слова! Мой отец, прошедший за свою жизнь три войны... Такая же правильная речь была у дядьев и теток,

людей очень простых, с начальным, впоследствии – со средним образованием. Это среднее образование, которое они получили, – всецело заслуга советской власти, давшей дорогу простым людям независимо от национальной принадлежности. Я никогда не слышал в своей семье ни слова «задница», ни «поссать», ни даже «отлить», ничего, ничего похожего, ни слов, ни шуток, ни намеков, ни скабрзностей, ни эвфемизмов¹. От отца слышал только правильную русскую речь. Непонятно, где он разыскал ее, как отфильтровал и усвоил на сквозняках тревожного и трагического двадцатого века.

¹ Нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными.

Советская власть

Отцу стукнуло четырнадцать лет, когда началась Гражданка. Попал в Красную армию. Взяли конным вестовым. Вот и джигитовка пригодилась. Имел красноармейскую книжку, которая сохранилась у меня до сих пор. Были трудные задания, были и погони, но господь миловал шустрого смышленного парнишку. Потом работал на фабрике. Учился. Занимался вокалом. Его толкали, убеждали: тебя ждет опера. У отца был потрясающий баритональный бас. «Ни сна, ни отдыха измученной душе. Мне ночь не шлет отрады и забвенья. Все прошлое я вновь переживаю один в тиши ночей». Какой микс! Все перемешалось – революция, диктатура пролетариата, атеизм, проклятая буржуазная культура. Отец становится советским выдвигенцем. Понятно и естественно. Он ведь из рабочих. Кто есть портной? Не крестьянин, не помещик, не генерал, не служащий. Значит – рабочий. Окончил школу, попал на завод в Петроград. Помог перебраться туда же своему немолодому отцу с братьями, сестрами. Как тогда жили? Освобождались огромные буржуйские квартиры. Комнаты по тридцать – сорок метров перегораживались. В каждую такую комнату поселялась многодетная семья. Таких комнат в одной квартире могло быть и десять, и двадцать. До сих пор помню фантасмагорию коммуналок. Помню квартиру (вернее, комнату в общей коммунальной квар-

тире) деда на Боровой. Я заходил туда после войны, пока дед был еще жив. Какое пение? Тем более – опера. Страна бурлит. Дел невпроворот. Отец вступает в партию. Ленинский призыв. Очень верит: все теперь делается для трудового народа. Работающий, организованный, порядочный, участник гражданской войны, член партии, его быстро выдвигают на руководящую работу. Отец хотел получить образование. Начал учиться в институте. Забегая вперед, скажу, что его мечта о высшем образовании так и не сбылась, – стройки коммунизма, особые партийные поручения... «Ты мне скажи, Яков, что тебе важнее – институт или партийный билет? Ты должен ехать туда, где нужен партии». Строительство Хибинского горнопромышленного узла. Апатиты. Потом Финская война. А там и Отечественная подъезжала на всех парах. Труба зовет и зовет. И вот уже не слышно и трубы – грохот, взрывы, смерть товарищей, ежедневный ратный труд, который может закончиться только сырой землей или долгожданной победой. Но это будет позже. А пока – счастливый для скромного еврейского паренька рассвет молодой советской власти. То, что в ту пору свершилось уже море злодеяний и смертельных схваток ядовитых змей под ковром, накопилась длинная история сведения счетов между основоположниками «светлого будущего», что в те времена уже созрел и показал свою коварную силу мрачный восточный гений Кремля... Как это было далеко от них, новой советской поросли, и совсем непонятно. Молодые выдвиженцы не задумывались об этом, не видели,

не осознавали. Для них все было просто. Вот она, бурлящая, молодая, ежедневная, такая открытая, такая безыскусная, такая бескорыстная, честная жизнь. Работай, делай сказку былью. Тебе открыты все путидороги. Ты молодой, сильный. У тебя все получится. Прекрасная молодая страна. Мы рождены...

Остались позади годы нищеты, унижений, черта оседлости, национальное неравенство. Теперь – никакого угнетения. Никаких религий. Никаких наций. Мы советские люди. Нас ведет партия во главе с товарищем Сталиным. Он – такой же, как мы. Простой и понятный. Но еще – мудрый и прозорливый. Можем ли мы сейчас осуждать молодых, горячих, искренних, наивных и неискушенных? Сколько людей с Запада было очаровано новой русской идеей всеобщего братства! Вот он – город солнца, который вотвот построят. Коминтерн (Третий интернационал). Все ждут всемирной пролетарской революции. Коммунистическая идея популярна во всем мире. ВайянКутюрье – французский писатель-коммунист. Анри Барбюс «Иосиф Сталин». «Он – подлинный вождь, человек, о котором рабочие говорили, улыбаясь от радости, что он им и товарищ, и учитель одновременно; он – отец и старший брат, действительно склонявшийся надо всеми. Вы не знали его, а он знал вас, он думал о вас. Кто бы вы ни были, вы нуждаетесь в этом друге. И кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках того другого человека, который тоже бодрствует за всех и ра-

ботает, – человека с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата». Анри Барбюс, французский писатель, журналист и общественный деятель, лауреат престижной французской Гонкуровской премии, поет хвалу Великому Сталину, пишет от души, пишет то, что думает. Что же мы хотим от наших неискушенных простодушных отцов?

НЭП и Хибиногорск

Мать – из Одессы. Мой дед по материнской линии – огромный породистый красавец блондин. Фамилия – Кох, непопулярная, прямо скажем, в годы войны. Забегая вперед, скажу, что мать не меняла фамилию при замужестве, и это, как выяснилось, оказалось не самым правильным решением. В семье было три дочери и один сын. Дети хорошо одеты, девочки – все в рюшечках. Бабушка – человек с характером, на ней все держалось. В семье не было ничего еврейского, кроме происхождения. Ни языка, ни религии. Не знаю почему. Все говорили на прекрасном русском языке, даже без малороссийского акцента. Тоже не могу сказать, почему так получилось. Моя мать, Люба – средняя из дочерей. Самая удачная. Любили больше всего Галю, младшую и, как считалось, – самую красивую. Когда я уже что-то стал понимать, это показалось мне совсем не очевидным – мать значительно интересней Гали, возможно, в силу большей одухотворенности всего ее облика. Старшая из дочерей, Дора, она же и старшая из детей, была, естественно, первенцем, ее любили по привычке, по инерции. Дора – неудачливая, ее жалели, опекали и оберегали. Сын Семен, мой дядя, высокий, как его отец, нескладный, застенчивый, ни к чему не приспособленный, хотя учился неплохо, он – единственный в семье, кто получил инженерное образование. На матушку в

отчем доме не обращали внимания – умная, веселая, неуны-
вающая, самостоятельная, живая, контактная, неконфликт-
ная, хорошенькая – сама пробьется. В годы военной эвакуа-
ции, когда деда уже не было... Мужья дочерей на фронте.
Бабушка осталась с тремя дочерьми и тремя внуками... До-
чери работали, заботы о внуках легли на ее немолодые пле-
чи. Бабушка – гипертоник, уральское высокогорье – не для
нее. Бедная бабушка. Вечером сидели всей семьей за столом,
она смеялась, шутила... Внезапно все закончилось на глазах
у дочерей. Жизнь прервалась в полете. Язык заплетался, ба-
бушка успела сказать только одно: «Люба, береги Дору и Га-
лю». И ушла. Сказала то, что было для нее самым важным.
Она знала, что во всем может положиться на Любу. Но это
будет позже. А пока в семье бабушки и дедушки все непло-
хо. Дети учатся. В стране – Новая экономическая полити-
ка. НЭП. У деда – свое «дело». История трагическая и одно-
временно комическая. Компаньон деда – разбитной молодой
человек. Часто появлялся в доме. Проводил время в обще-
стве трех барышень на выданье. Может, и не такие красави-
цы, но чистенькие, опрятные, интеллигентные. Любодорого.
Заморочил голову старшенькой. Обещал жениться, соблаз-
нил под шумок. Забрал кассу – да и был таков. И нет его.
Слезы, разбитое сердце первенькой. Рухнувший бизнес. По-
зор на всю Одессу. По этой ли причине, по какой другой,
наскребли последние денежки; семья отправилась в Петро-
град. Таков сценарий Провидения. Вначале жили в комму-

налке на Моховой, потом на Старом Невском. Как сводили концы с концами – трудно сказать. Дети – взрослые, дочери учились, сын уже работал. Безутешную «брошенную и покинутую» сразу по приезду выдали замуж. Нашли невзрачного еврейского человечка.

Добрый, кругленький, неюный. С потрясающей коммерческой жилкой. Такое часто встречается в народе Книги. Он был коммерческим директором мебельной фабрики и неплохо обеспеченным человеком по тем смутным временам. Его осчастливили браком. Как согласилась Дора – не знаю. Возможно, понимала, что такой брак необходим, чтобы решить семейные финансовые проблемы. Она никогда не выглядела счастливым человеком. Я не видел, чтобы она улыбалась. Но женой была хорошей. На сторону не смотрела. Все силы отдавала семье. Родила дочку – первую внучку в большой семье. Всеобщую любимицу. Но мужа держала в строгости. Эта традиция – держать мужа под каблуком – стала устойчиво передаваться по женской линии тетушки Доры.

Вскоре деда забрали энкавэдэшники. Забирали всех нэпманов, экспроприировали золото. И его, неудачливого нэпмана, тоже забрали. Нэпмана, у которого украли «дело», деньги и честь старшей дочери. А этим – что? Вынь да положь! Недавно побывал на Соловках. Ходил, думал, где мог быть дед? Где содержался, в каком корпусе? Мать забросила учебу. Бегала по инстанциям. Ездила в Одессу и почему-то в Ростов-на-Дону. Собирала какие-то справки, ходила на при-

ем по кабинетам. Доказывала, что они давно уже не нэпманы, не буржуи, а честные трудящиеся. Не знаю, она ли этого добилась, или вертухаи в те времена еще не потеряли окончательно голову от запаха крови. Но дед вернулся домой. Тогда еще такое было возможно. Денег у него не было. Почему простили его, оставили в живых? Может, это вертухайская ошибка? Я знаю, что многие вертухаи первой волны были расстреляны на Соловках. Может, потому, что поотпускали чьих-то бабушек и дедушек. Не соображаясь с важными резонами величайшей пролетарской справедливости.

Однако недолго музыка играла в старой коммуналке на Невском. Дело в том, что на Соловках деда много раз пропускали через «парилку». В небольшое помещение ставили узкие скамьи, поперек скамей садились арестанты, вплотную живот к спине. В помещение пускали пар. Чтобы помучились. Чтобы осознали: надо отдать несправедно нажитое стране трудового народа. Дед вернулся с Соловков с тяжелой астмой. И вскоре скончался.

Мама была барышней на выданье. До сих пор у нас хранится ее портрет, написанный сангиной безымянным поклонником, сделавшим, как говорят, блестящую карьеру. В семейном альбоме хранится портрет элегантного скрипача, тоже имевшего, видимо, интерес к моей матушке в девичестве. Но вышла она замуж почему-то за моего отца. Куда более скромного человека, не очень образованного, далеко не красавца, старше ее на восемь лет. Может, напуганная пе-

рипетиями жесткой действительности времен пролетарской диктатуры, моя матушка, мудрая даже в молодые свои годы, сознательно выбрала успешного и достаточно влиятельного в те годы советского выдвиженца. А может, действительно разглядела в нем благородную натуру, силу и мужество характера, искренность и особую мужскую статью. Мне трудно об этом судить. На фотографиях тех времен, снятых, когда меня еще не было – во время отдыха моих родителей в Крыму, на Кавказе, среди сугробов Хибиногорска, куда отца направили по призыву партии, – я вижу абсолютно счастливую пару. На фоне сверкающего снега смеющийся, раздетый до пояса отец везет в огромной тачке свое сокровище – мою мать в легком крепдешинном платье. Жизнь им улыбается. Это пара, семья, союз двух непростых людей, людей очень нелегкой судьбы. Их открытое, бережное, самоотверженное и беззаветное отношение друг к другу как в минуты радости, так и в периоды труднейших жизненных испытаний всегда было и останется для меня примером и идеалом отношений мужчины и женщины.

Северный Кавказ

Советская власть дала возможность многим получить ранее недоступное высшее образование. Самуил в двадцатые годы закончил медицинский и уехал по распределению из родного Ростова-на-Дону на Северный Кавказ. Работал в больницах, в санаториях в Серноводске, Железноводске, Пятигорске. Ростовская мишпуха² мечтала, чтобы мальчик наконец остепенился, чтобы взял хорошую девочку из своих. У Самуила был собственный взгляд на жизнь. Прежде всего – медицина. Медицина – его призвание. За невзрачной внешностью скрывался сильный, волевой характер. Он был хорошим врачом. Организованным, знающим, умеющим провести свою линию в лечении больного. У него были чутье, интуиция. И самое главное, он любил своих больных. Потому и чувствовал их хорошо. Потому и стал успешным врачом. И прекрасным администратором. Поочередно возглавлял несколько санаториев. А что касается еврейской жены – нет уж, увольте. Знаю я ваших жен. Спят до середины дня и к двум часам произносят первые слова: «Сема, у меня все болит!» Самуил Тонечку Федотову любил. Из образованной, обеспеченной, интеллигентной семьи. Чего только не было намешано в этой семье – и русские корни, и терские каза-

² Мишпуха семья, компания (*одесский жаргон*).

ки, и грузинская кровь там была, может – и капелька турецкой. Тонечка младшей из двух сестер была. Не такая красивая, как старшая Таня. Но боже, что это была за девушка! Тонкая, женственная. Худенькая, стройная, с грустным лицом мадонны. Ну, чисто Вера Холодная. Играла на фортепиано, пела тихим голосом. Вела дневник, писала стихи. Сама твердо знал, что ему нужно в жизни. Да и как он мог не влюбиться в Антонину? Если этот очерк читает сейчас кто-то из молодых людей, прислушайтесь к совету старшего товарища. Доведется вам в жизни встретить женщину с тихим голосом, неговорливую, со скромно потупленным взором задумчивых глаз, спрятавшихся за длинными ресницами, не отмахивайтесь, не пройдите мимо редкой удачи. Именно за этой неброской красотой, именно за таким тихим обаянием прячутся самые сильные, верные, самоотверженные и пылкие женские натуры. Именно они дарят своему избраннику самые жаркие объятия и на всю жизнь становятся ему верной опорой.

Самуил с Тоней поженились. Тоня родила двух мальчиков, Вову и Мишу, с разницей в возрасте два года. Главврач был уважаемым человеком. Его семье дали трехкомнатную квартиру. Самуил уступил одну комнату одинокой женщине, врачу своего санатория. Решил, что им и двух комнат хватит. Антонина была гостеприимной хозяйкой. Двери настежь. В доме – аскетически просто: больничные койки, шкаф, стол, стулья. Никакой другой мебели. Зато – фортепиано и пре-

красная библиотека. Зато в доме много гостей. Медлительная Антонина вставала в шесть утра, бежала на рынок, готовила. Всех успевала накормить. В их семью мог прийти любой человек с просьбой о помощи. А еще заходили наглые бабки – Тоня, дай денег. Антонина совала им деньги. Если денег не было, давала продукты, молоко, яйца, все, что было. Никому не могла отказать. В доме останавливались знакомые и малознакомые, приехавшие на курорт. Все, кроме родни Самуила. Те не смирились с его браком. Так и не признали Антонину и ее детей. Дети почти не были знакомы с родственниками отца. А вот с красавицей Таней, тетей Таней, у ребят всю жизнь были самые близкие отношения. Забегая вперед, скажу, что с тетей Таней Миша делился всем, чего и матери родной не говорил.

Мальчиков учили музыке, рисованию. Ребята были очень способные. Прекрасно учились в школе. Точные предметы хорошо давались обоим. Старший, Володя, играл на скрипке. Прекрасно рисовал. Мог одним росчерком, одной линией создать образ человека или наметить пейзаж. Младший, Миша, занимался на фортепиано. Но мальчики не были забалованными домашними детьми. Пойдем обстановку теплого, южного, курортного города. Обстановку вечного праздника. Обилия отдыхающих. Приезжих из больших городов. Обилия фруктов. Обилия соблазнов. Как и все местные ребята, они носились по улицам, дружили с кавказцами, ходили в горы, лазали по деревьям, собирали шелковицу. Мальчишки

росли сорванцами. Гонялись друг за другом, Вовка захопнул перед Мишкой дверь – бамс! – вместо носа – огромная картошка. Так и прожил Мишка жизнь со сломанным искореженным носом. В другой раз опять Мишка бегал за Вовкой, пугал горячим утюгом, догнал и приложился к попе, у Вовки на всю жизнь остался след от утюга. Антонина решила получить образование, поступила в медицинский институт. В первый же день ее занятий вечером соседи сообщили, что видели, как ее милые мальчишки гуляли по карнизу четвертого этажа. Какие занятия, какая учеба? Ой, напрасны, видать, Тонечкины мечты получить образование, напрасны мечты вырастить из мальчишек музыкантов, литераторов, художников, врачей. Не суждено было сбыться этим мечтам. Младший, Мишка, получился особенно разбитным. Живой, веселый, смешливый, очень добрый, а потому и всеми любимый – и сверстниками, и взрослыми. То ли от постоянного пребывания на солнце, то ли от природы, он был не просто загорелым – черным. Таким, какими бывают индусы. Мишкачерный – звали его друзья. И эта кличка сохранилась за ним до последних дней.

Мише нравилось играть в бильярд. Он считал, что должен все уметь делать лучше других. В санаторий иногда приходили профессиональные бильярдисты. Один из них взял шефство над ловким парнишкой и неплохо обучил бильярдным приемам. Перед самой войной невысокий десятилетний мальчишка уже очень неплохо играл. Когда появлялся

кто-то, желающий сыграть на деньги, какой-нибудь новый гастролер, в ход пускался любимый прием Мишкиного бильярдного шефа. Куда тебе, говорил он. Сыграй-ка для начала вон с тем пацаном. Народ слетался на это излюбленное представление. «Пацан» залезал на стул. Потому что с пола он не мог достать до шара. И, к всеобщему удовольствию, разделявал гастролера под орех. Да, не похож был Мишка на будущего пианиста или литератора.

В стране беспокойно. Не всегда было спокойно и в этом богом хранимом доме. Загремел, загрохотал, взорвался раскатами грома страшный тридцать седьмой. «О как же я хочу, нечуждый никем, лететь вослед лучу, где нет меня совсем!» – писал Мандельштам. Не улететь нам с вами, Осип Эмильевич, не скрыться, не стать лучом невидимым. В местное НКВД поступила разнарядка. Нужно выявить и арестовать столько-то тысяч скрытых врагов народа. Часть – под расстрельную статью, часть – в ГУЛАГ. Создавались тройки. Готовились аресты. Составлялись списки троцкистов, антипартийных группировок, кулаков, пособников белогвардейцев, шпионов, военных специалистов, ведущих подрывную работу, вредителей, других социально далеких. Поговорим с ними по душам, сами все и подтвердят. Серноводск – город маленький, все знали, к кому следующему поедет ночью черный воронок. Ждали гостей и в доме главврача. Семью спасли чеченцы. Они любили Самуила. Решили помочь. Старик в бурках пришел, сели во дворе санатория. «Ты, Саму-

ил, не ходи домой. Побудь пока здесь. Мы твоей семье сообщили. Они не будут беспокоиться. А там посмотрим». Каждый мальчишка в городе знал о чеченцах в санатории. Для энкавэдэшников это был неожиданный поворот. Могли случиться непредвиденные волнения. За это в Центре по головке не погладят. И сроки поджимают. Черт с ним, с Самуилом. Пусть живет и работает на благо пролетарского государства. Он ведь хороший врач? Ну, пусть трудится. Отчитаемся по разнарядке без него. Возможно, так все и было. Может быть, чеченцы просто спрятали где-то на время главврача, его жену и детей.

Так или иначе – для семьи Самуила гроза прошла стороной. Надолго ли? Трудно предположить, как развивались бы события дальше. К порогу подошла огромная, жестокая, безжалостная война. Которая перемешала всех и вся, нарушила планы строительства «мирной» жизни советской страны. В войну пошел на Северный Кавказ поток раненых с фронта. Санаторий преобразовали в военный госпиталь. Самуил, главный врач санатория, стал начальником госпиталя. Его назначению не помешало непролетарское происхождение.

Великая Отечественная

Участие отца в Финской войне было для меня малоизвестным эпизодом. Возможно, он недолго в ней участвовал или не на главном участке фронта. Отец мало об этом рассказывал. Говорил что-то о финских снайперах на вершинах сосен, о том, как ловко финны кидали ножи. Остальное неотчетливо. А вот Великая Отечественная коснулась нас в полной мере. Перед самой войной родители получили свою жилплощадь. Отцу, как руководителю довольно высокого уровня, выделили двухкомнатную квартиру на Литейном. Мама уже носила меня. Отец решил, что отдельная квартира нужнее некому его сослуживцу, у которого ребенок уже был. И уступил. А себе взял комнату в коммуналке, тоже на Литейном. Коммуналка, правда, не многонаселенная, и тоже двухкомнатная квартира. Комната – большая, тридцати с лишним метров. На четвертом этаже без лифта. С печным отоплением. Прожили родители там поначалу совсем недолго. Грянула война. Отец готовил эвакуацию своего завода на Урал. Он отправил всю большую семью бабушки (теток, их мужей и детей, дядю) в Свердловск, так в советской России назывался Екатеринбург, а вслед за ними и маму с животом. Матушка разрешилась мною по дороге. Ну не в поезде, конечно. Когда начались роды, ее срочно высадили в Галиче Костромской области, где я и появился на свет

божий в августе 1941-го. Так я побывал в старинном городе Галиче один-единственный раз. Потом мама самостоятельно с грудняшкой добирается до Свердловска. Еда ужасная. Едет в теплушке. Помыться негде. Ребенок, то есть я, – весь в коросте. Вместо кровати – деревянное корыто. Кругом мужики – военные, командированные по разным причинам с фронта. Солдаты, расположившиеся на всех уровнях – внизу, на вторых и третьих полках, – залезают за пазуху, выгребают вшей и бросают вниз. Мать плачет. Со второй полки голову свешивает сердобольный раненый офицер, отпущенный домой на побывку: «Не плачь, мамаша, сын вырастет – богатырем станет». Как в воду глядел, недалеко был от истины – мужик из меня вырос здоровенный. Со временем. А тогда – что было, то и было.

Когда мама воссоединилась с бабушкой, быт, видимо, как-то стал налаживаться. Хотя с едой, конечно, были проблемы. Как у всех в те времена. Вскоре на Урал переехал со своим заводом отец. С гордостью мама показывала ему хudosочного недокормленного младенца. Так всегда женщины показывают новорожденного любимому мужу. Ну, и опять семейное счастье моих родителей было недолгим. Отец, всегда и во всем уступавший матери и внимательно прислушивающийся к ее мнению буквально во всем, в критические моменты жизни был очень решительным человеком. Будучи заместителем директора огромного завода, имевшего оборонное значение, имея броню, имея солидный возраст (ему

тогда было 38 лет), он отправляется добровольцем на фронт. Рядовым. Матери сообщает об этом перед самым отъездом.

Что я сам могу вспомнить из того времени? Почти ничего. Темная лестница. Какие-то бревна, почему-то сложенные на лестничной площадке. Белый котенок играет среди них. Смотрит на меня. Моя будущая жизнь, и светлая, и беспокойная, всякая, смотрит на меня через его детские звериные глаза. Остались рассказы. Как мать стала курить. Махорку. Другого не было. Как скончалась бабушка. Как ждали редкие письма с фронта. Как слушали «Жди меня, и я вернусь», надеялись и тихо плакали. Как дети жадно хватали еду, когда в доме была еда. Быстро глотали и рычали, не в силах дождаться следующей ложки каши. Так жила вся страна. Сохранились выцветшие фотографии того времени. Осунувшаяся, не похожая на себя мать. Одни глаза, рано постаревшее, измученное лицо. И страшный худой заморыш. Это я. Та же мука в глазах, что и у матери.

В 44-м вернулись в свою квартиру на Литейном. Все вещи, мебель были вынесены. Соседями, жившими на этаж выше. Мать ни с кем не разбиралась. Начинала жизнь с нуля. Помогали сестры и брат. Кончилась война. Стали возвращаться фронтовики. На улицах цветы, песни, гармошка. От отца известий не приходило. Один веселый военный в гимнастерке на улице обратил на меня внимание, улыбнулся, помахал рукой. Я кинулся к нему с криком: «Дядя папа!» Я ведь не знал своего отца. Пришли известия, что части Вто-

рого Украинского задержались в Праге. Там был и отец. Там продолжались военные действия, гибли люди. А у нас началась мирная жизнь. Стали открываться магазины. Запомнилось событие: открылась булочная на Литейном. Я и сейчас ее помню. Почему-то самое сильное детское впечатление – батон на столе. Булка – так говорили в Ленинграде.

Папин командир был проездом в Ленинграде: «Жди мужа, Любочка, скоро приедет. Твой Яша Героем возвращается. Все документы оформлены». Если бы так все и было. Возможно, не было бы потом многих проблем нашей семьи. Но получилось по-другому. Где-то в штабе представление к Звезде Героя поменяли, отца наградили орденом Красного Знамени. Отец никогда за себя не хлопотал, к фронтовому командиру не обращался.

Кто тогда об этом думал? Война закончилась. Отец цел невредим. Почти все живы. У отца из огромной семьи погиб один старший брат. Любимый младший брат Боря вернулся из плена. Он выдавал себя за татарина и так спас себе жизнь. Какое счастье! Вся большая бабушкина семья в сборе. Нет только самой бабушки. Отец веселый, могучий. Поет арии, всех подряд затанцовывает. Берет в охапку маму и двух ее сестер, поднимает и кружит в вальсе. Папу все боготворят. Он – настоящий герой. Грудь в орденах. Двенадцать боевых наград. Выпивает залпом из горла бутылку водки за Победу.

Сколько всего осталась в прошлом. Позади контузия – рядом взорвалась мина. Паралич левой части тела. Чуть вос-

становился в госпитале – бросился догонять свою часть. Левая половина лица долго оставалась неподвижной. На одной из фронтовых фотографий видно, что лицо перекошено. Отец был старше других фронтовиков, его звали «батей». Судьба берегла его от пули. Но жизнь могла прерваться и по другой причине. Отец был связистом. Однажды под Курском ему с группой бойцов дали задание – наладить связь между нашими подразделениями. С катушками за спиной и автоматами они должны с боем пройти через слоеный пирог русских и немецких позиций и вернуться в расположение своей части. До этого уже было отправлено несколько групп, все погибли. Бой продолжался несколько дней. Задание выполнено. Отец возвращается, заходит доложить в штаб. Незнакомый офицер разглагольствует: «Мы здесь жизнью рискуем, а жида по тылам отсиживают». Отец бросается на него, бьет кирпичом по ненавистному лицу. Отца ждет трибунал. По законам военного времени – расстрел. Что сделал командир, чтобы спасти его, – не знаю. Историю как-то замяли. Как обошли смершевцев, тоже не знаю. Бог отвел. И неизвестный мне командир. Отважный, благородный человек. Который при этом лично рисковал. Отец получил очередную награду. А зимой 45го его представили к Герою за форсирование Одера. Красная армия захватила плацдарм на другом берегу. Надо было дать связь. Ползли с катушками по льду. Рядом с отцом рванула мина, лед разошелся – и тяжеленная катушка потащила вниз, под воду. Моло-

денький мальчик-связист из его отделения опустил в воду шест, отец успел за него ухватиться. Повезло. Вылез из ледяной воды. Отделение двинулось дальше. Связь дали. Так рассказал мне отец. За эту операцию он был представлен к Герою.

Недавно мой сын на сайте «Общедоступный банк документов “Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.”» нашел копии подлинных документов, представляющих отца к наградам. Посмотри, говорит, дед у нас терминатором был. Вот что было черным по белому аккуратным почерком написано в официальном документе, по которому отец получил орден Красного Знамени:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.